

Алексей Слаповский

«Недо»

В серии «Новая русская классика» выходит в январе роман прозаика, драматурга и сценариста, финалиста премий «Русский Букер» и «Большая книга» Алексея Слаповского «Недо».

Дело было на карантине, но карантин был и до этого – герой Слаповского с мелкой фамилией Грошев и так жил в фактической самоизоляции. Переводил детективы, помаленьку писал собственный роман, вспоминая бывших жен, любовниц, бывшую жизнь. Есть текст, у которого куча вариантов, есть приходящая, т.е. приезжающая подруга - без вариантов. Все устоялось, включая взгляды на самого себя.

И тут является Она. И вот-вот грянет романтическая история, и новая Маргарита вдохновит нового мастера **у тихого камелька любви и творчества.**

Вместо этого все взрывается – драгоценный текст подвергнут сомнению, подвергнута сомнению и привычная подруга, и даже вся прожитая жизнь, начинаются ссоры и

споры, и неумеренная выпивка с философским подтекстом, и воровство водки в магазине, и драка с охранником, и явление полиции, и побег на подмосковную дачу... Приключенческая психология или психологическое приключение. На фоне коронавируса, который автору важен лишь потому, что выявил имевшееся, но дремавшее.

Это очень современный роман. Все в нем — здесь и сейчас. Из-под обложки рвется 2020-й год.

Слаповский сам определил «Недо» как роман-столкновение. Два мира, два пола, два поколения, две противоположности. Персонажи по обе стороны баррикад прописаны психологически точно и узнаваемо.

Она: 22 года, из Саратова, большой шарф, тяжелые ботинки, ни грамма кокетства, успела похоронить мать и хлебнуть всякого, в чем-то зрелая и циничная, а в чем-то очень юна, ее и звать Юна, Юнона, только о спектакле «Юнона и Авось» она без понятия, и такое старье, как «День сурка», не смотрела. Все установки, доставшиеся от сгинувшего социализма, вызывают у нее возражения. Да и был ли социализм-то? Может, никакого социализма-то и не было? Прием остранения, используемый Слаповским, опрокидывает на обе лопатки все застоявшиеся истины. Новый Холден Колфилд-2020 в юбке (в джинсах), только Юна наверняка «Над пропастью во ржи» не читала.

Он: около 60 лет, а в жизни чего только не было! Большие деньги, европейские столицы, женщины и дети, друзья, успехи на разных поприщах... Чтобы понять, что «только этого мало», что вся жизнь оказалась «недо», надо дожить до седых волос, таблеток от давления и случайного знакомства с такой вот девчонкой. Чтобы уж добить себя окончательно, надо прочитать ей вслух свои старые тексты. И услышать непредвзятое раздражающее мнение. И чуть ли ни возненавидеть ее. Или влюбиться.

Аннотация

Алексей Слаповский — писатель и драматург, финалист премий «Русский Букер» и «Большая книга», автор романов «Я — не я», «День денег», «Синдром феникса», «Победительница», «Они», «Гений», «Неизвестность». Каждая новая книга Слаповского — эксперимент над жанром, собой и читателем.

«Недо» — роман-столкновение. В устоявшуюся жизнь литератора Грошева, сменившего несколько работ, жен и квартир, врывается Юна, саратовская девчонка из новейшего поколения — стиль унисекс и полное отсутствие авторитетов. Она уже не смотрела мультки про 38 попугаев, «что-то слышала» про штурм Белого дома, но судит обо всем абсолютно уверенно. Устами этой «младеницы», возможно, и глаголет истина, но еще Юна отлично умеет воровать, драться, пить и задавать неудобные вопросы. Недооценил ее сначала Грошев. Недопонял. Да и себя, оказывается, тоже. Сплошное «недо» — как всегда.

Цитаты

Грошев, занятый хлопотами, не успел представить себе эту Юну, а ведь интересно, какая она. Может быть, высокая, стройная, с насмешливым взглядом. На третью ночь войдет к Грошеву, лежащему с книгой, и скажет: «Знаете, Михаил, я иногда люблю эксперименты». И спокойно разденется и ляжет рядом. А может, она маленькая, тонкая, милая, проскользнет к Грошеву, лежащему с книгой: «Михаил, мне так плохо одной, можно я с вами немного полежу?» И ляжет, и задышит в плечо, замрет в ожидании. Но, возможно, она девушка практичная, прямая, привыкшая, что ничего не дается даром. В комнату вкрадываться не будет, скажет за ужином так же буднично, как пережевывают пищу: «Дядь Миш, денег у меня нет, а даром подживаться не хочу. Давай буду спать с тобой. Если ты можешь, конечно. Как у тебя с этим делом?» — «Все в норме». — «Тогда лады».

Но Юна успела вывернуться, охранник одиноко грохнулся на асфальт. Юна со всей силы пнула его тяжеловесным ботинком в лицо. Охранник схватился руками за лицо и взвыл:

— Сука, глаз!

Это не остановило Юну, она ударила его по рукам, закрывающим лицо, потом в бок — один раз, другой, третий.

— Доволен теперь? — закричала она. — Доволен?

У него было неприятное ощущение, что они с Юной спорили и он в этом споре проиграл. Но о чем был спор, почему проиграл — непонятно.

— Ты не парься, — сказала Юна. — У меня просто настроение... Зачем я сюда приехала, на что надеялась? Я знаешь что хочу? Вот у бабки в деревне — куры, утки, индюшки. Она с ними возится целый день. В огороде копается. И все время веселая. Поработает — идет чай пить. Это прямо процесс целый. В чайник травки добавляет, настаивает, в кружку заварку нальет, огромная такая кружка, понюхает, еще нальет... Получается, это все, что мне надо?

...Вот нам училка рассказывала про Болконского из «Войны и мира», что ему было плохо и скучно, и он увидел дерево засохшее и подумал, что всему капец, все сохнет и умирает. А потом ехал обратно и увидел, что дерево зазеленело, и у него, значит, есть шанс. Она тоже говорила, что дерево — это образ. Хорошо, согласна, и что?

— Что «что»? В чем вопрос?

— Мне — что? Узнала я, что Болконский зазеленел, ожил, ну, рада за него, а я-то при чем? Зачем мне это читать?

— Чтобы ты знала, что на любом этапе жизни можно зазеленеть. Ожить. Надеяться на лучшее.

— Да я это с детства знаю. Без всякого Болконского.

...Очень забавно — опомниться в пятьдесят с лишним лет. И вокруг все понимаю, и себя понимаю. Я никогда не думал о смерти, Миша. Совсем. Будто ее не существует. А ведь вокруг постоянно кто-то умирал. Но я отмахивался. Умер и умер, а мне некогда, мне дальше жить надо, и всегда какое-то дело, всегда срочное, всегда дедлайн. Глупая суета, Миша, но оглядываюсь: что я мог бы изменить? Ничего. Я был для этой глупой суеты создан. Для сплошной второсортицы.

— Брось, радости же были тоже.

— Перестань! Все, что ты скажешь, я себе говорил. Радости, удачи, успех, деньги, да, все было как у всех. В этом и ужас — как у всех.

— Тьфу! — это Грошев произнес вслух, машинально записав это и буквами. Некоторое время смотрел, глядя на мерцающий курсор. И вдруг руки будто сами поднялись, а пальцы сами застучали, записав то, что неожиданно влетело в голову:

Мальчик девочку любил —

Грустная история.

А потом ее забыл,

Вот и вся история.

После этого Грошев понял, что больше ничего не напишет.